ческими деталями. Бояре говорят Февронии: „Госпоже княгини Февронна! весь град и боляре глаголют тебе: дай же нам, его же мы у тебе просим“ и, получив согласие Февронии, просят у нее Петра. Феврония в свою очередь обращается к боярам с просьбой: „Дадите мне, его же аще аз въспрошу у ваю“ и, получив согласие бояр, говорит: „Ничто же ино прошу, токмо супруга моего князя Петра“. В этом обращении бояр с просьбой к Февронии и в просьбе Февронии к боярам еще слышится традиционный диалог сказки типа 875. Но здесь этот диалог уже потерял свой исконный вид и дается в совершенно ином контексте. Бояре устраивают пир, „и егда же быша весели, начаша простирати безстудныя своя гласы, аки пси лающе“ и обращаются со своей просьбой к Февронии. Они соглашаются отпустить вместе с Февронией и Петра, так как „кииждо бо от боляр в уме своем дръжаше, яко сам хощет самодержец быти“, и дают князю и княгине „суды на реце“. Таким образом, изгнание героини мотивируется здесь совсем иначе, чем в сказочно-легендарном прототипе повести. Причины изгнания политические — недовольство бояр княжением Петра и Февронии, их честолюбивые намерения занять место князя. Точно также и возвращение героев изображается совсем не по-сказочному: через день пути посланник бояр настигает Петра и Февронию и умоляет от имени „всех велмож и ото всего града“ возвратиться „на свое отечествие“, страдающее от междоусобий бояр. Политическая позиция автора повести ясна: он сторонник князя и противник бояр.

В описание изгнания и возвращения героев вставлен эпизод „о древиях“, фольклорного происхождения: Феврония благословляет два воткнутых для котлов деревца и произносит над ними: „Да будуть сиа на утрии древие велико, имущи ветви и листвие“; к утру деревца выросли и покрылись листьями. Автор повести придал ему символическое значение для доказательства невиновности Февронии. Эпизод „о древиях“ в повести идет непосредственно вслед за рассказом о том, как изгнанные из Мурома Петр и Феврония, проплыв день по Оке, к вечеру „начаша ставитися на брезе“. Всегда колеблющийся и неустойчивый, Петр и в данном случае стал сомневаться в правильности своего решения оставить Муром: „Како будет, — размышлял он, — понеже волею самодержъства гоньзнув?“ Вся вина в оставлении Мурома падала, таким образом, на голову Февронии. И вот она, утешив Петра („Не скорби, княже: милостивый бог, творец и промысленик всему, не оставить нас в нищете быти!“), благословляет два воткнутых в землю для котла деревца, к утру прорастающие в доказательство ее невиновности во всем происшедшем. Приход посланца из Мурома подтверждает истинный смысл „чюда блаженной о древиях“. Вся эта часть повести при таком понимании функции „чюда о древиях“ приобретает вид стройного, логически обоснованного повествования, а не случайного сцепления различных эпизодов, как это кажется на первый взгляд.

Во второй части повести автор характеризует Петра и Февронию как идеальных князя и княгиню, достойных правителей. Создавая их образы,